

УДК 111.85

**ФИЛОСОФИЯ КРАСОТЫ В ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ
РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ**

© 2014 г.

Т.В. Куликова, А.М. Паламарчук

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

tomavk@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.06.2014

Философски осмысливается красота в духовной традиции русской религиозной философии конца XIX – начала XX веков. Философия красоты, как особое мировоззрение, затрагивает целый ряд проблем, среди которых наиболее значимыми в отечественной духовной традиции являются проблема соотношения действительности и идеала, проблема гармонии человека с окружающим миром и с самим собой.

Ключевые слова: философия красоты; триединство Истины, Добра и Красоты; цельное знание; теургическая сила красоты.

Чем или кем измеряется время культуры? Через какие испытания и переживания должен пройти человек, чтобы его сознание обрело форму *культурного* сознания – сознания, ориентированного на внутреннее, глубокое усвоение культуры, её творческое преобразование, на осмысленное и нравственное общение с миром, на понимание себя и выражение этого понимания? В нашем представлении, время культуры – это время выкристаллизовывания личности, время её духовного созревания и самоопределения. Каждый человек может выбрать из общего культурного фонда то, что ближе его душевному складу, на что откликается его душа, в чем он находит для себя источник духовной энергии. «Оберегом» человеческого являются общечеловеческие ценности Истины, Добра и Красоты. К ним обращена отечественная духовная традиция, в которой особое место занимает русская религиозная философия. На фоне переживаемого современной эпохой кризиса традиционных представлений о мире и человеке, разрушения основ гармоничного существования человека с миром и с самим собой актуальны многие идеи религиозных философов, в частности, мысль П. Флоренского о том, что ценности продолжают существовать даже тогда, когда мы перестаём их воспринимать.

Как много категорично-однозначного, материально-прагматичного в рациональном мире, и так важно, на наш взгляд, говорить о неисчерпаемости смыслов подлинного произведения искусства, человека, бытия, о тех ценностях, к которым мы возвращаемся, «заблудившись в душевном лабиринте» (Вяч. Иванов). Философия красоты об этом – об актуальности прекрасного, об актуальности общечеловеческих ценностей,

которые продолжают существовать, сохраняя человеку надежду на духовное возрождение.

Идея красоты пронизывает всю эстетическую ветвь философии. Её содержание не иссякает, а продолжает обогащаться новыми смыслами, поэтому она сохраняет свое значение и в наши дни. Философия красоты поднимает мировоззренческие проблемы, в частности, проблему выбора жизненных приоритетов, целей, установок. В качестве её фундаментального принципа выступает идея духовно-целостной, гармоничной личности. Для понимания сути этих проблем особенно ценны идеи русской философии «серебряного века», впитавшей трагический дух своего времени, сумевшей выразить нашу культурную сложность.

Исконный *эстетизм русской культуры* является отличительной чертой культурного пространства, формировавшегося с момента возникновения Древнерусского государства. Уже в традиционных славянских верованиях проследживается глубокая религиозность сознания общества (как атрибут той далёкой эпохи). Это связано и с эстетическим развитием общества, ведь различные украшения, изготовленные древними, были символическим выражением почитания того или иного божества. При смене политеистической религии на монотеизм также немаловажным был эстетический фактор. Существует мнение, что выбор православия был обусловлен не только самим содержанием религиозного учения, но и из-за красоты религиозных ритуалов и красочного убранства храмов. Таким образом, эстетизм является одной из определяющих характеристик русской культуры ещё с момента её формирования и становления. С момента христианизации Руси усиливается особое влия-

ние религиозно-эстетического фактора: красота, передающая чистоту помыслов и истинность мысли; красота, направленная на служение добру. Всё это своеобразные прообразы дальнейшего философского осмысления категории красоты.

Идея Троиства Истины, Добра и Красоты особенно ярко проявляется в XIX столетии в философии «положительного всеединства» В.С. Соловьёва. Выступая в качестве онтологического принципа, всеединство имеет свою специфику в различных видах бытия. В нравственной области всеединство есть абсолютное благо, в познании – абсолютная истина, в области материального бытия – абсолютная красота. Единство истины, добра и красоты находит выражение в понятии «цельное знание». Рассмотрение проблемы красоты в философии Соловьёва тесно переплетено с его натурфилософией и философией истории. Отрицая зависимость прекрасного от полезного, формально соглашаясь с тем, что *красота выступает в качестве предмета бескорыстного созерцания*, В.С. Соловьёв содержательно определял красоту как «преображение материи через воплощение в ней другого, сверхматериального начала». Вместе с тем, будучи телесной формой, в которой выражаются свобода и полнота содержания всеединой идеи, красота является её законченным воплощением и становится действенной силой, преобразующей, а не отражающей (в отличие от субъективной истины или добра) действительность. «Отсутствие красоты есть бессилие идеи», а осуществление её [красоты] совпадает с идеальным перерождением космического и исторического бытия (в этом и выражается, в терминологии Соловьёва, «теургическая» роль красоты, то есть идея *со-творчества* человека с Богом в акте воплощения прекрасного). Проблема красоты в философской системе В.С. Соловьёва решается, таким образом, изначально как теологическая, а затем как онтологическая: победа красоты над безобразием косного вещества оказывается финалом мировой драмы. В рамках данного подхода красота в природе квалифицируется как *объективный естественно-исторический факт*. Анализ природной красоты начинается от низших неорганических ступеней в «порядке бытия»; тем самым философ рассматривает (в процессе усвоения) проявления прекрасного сначала в растительном мире, а затем у низших и высших животных. Подобное рассмотрение «ступеней» красоты в живой природе полемически направлено против Г.В.Ф. Гегеля, Э. Гартмана и некоторых других теоретиков, недооценивавших или искажавших, по мнению Соловьёва, «жиздательное» значение красоты.

С его точки зрения, физический свет – это «первичная реальность идеи в противоположности весовому веществу», поэтому свет является первым началом прекрасного в природе. Восходящая к Плотину мистификация света связана у Соловьёва с иерархическим различием ступеней природного существования, каждая из которых представляет собой арену борьбы «мирового художника» и тёмного хаоса. В качестве примера приводится красота алмаза, просветлённого солнечным лучом, которая рождается от внешнего (механического) взаимодействия света и материи. Более совершенным является внутреннее единство материи и света – жизнь. Среди организмов особенно отличаются красотой видимых форм растения, поскольку растительное царство оформляется, прежде всего, как пространственная видовая организация (цветы). Красота высших животных (олени, серны, тигры), напротив, проявляется активно – в стройной силе и гармонической подвижности частей [2].

В философской системе Соловьёва отчасти прослеживается влияние античной эстетики и немецкой классической философии (особенно Шеллинга и Гегеля). Впрочем, в отличие от Гегеля, который не признавал эволюционное развитие природы, Соловьёв считает вполне очевидной эволюцию природных ступеней бытия, в чём выражается и своеобразная *иерархичность красоты* (рассмотренное выше «движение мысли» от растительных форм к высшим формам животного мира как демонстрация усвоения проявлений красоты в природе). Кроме того, в немецкой классической философии красота искусства ценится выше природных проявлений прекрасного. В русской религиозной философии красота природы является актом божественного творения, соответственно высоко оценивается и отнюдь не уступает произведениям искусства.

В процессе познания в философской системе В.С. Соловьёва также прослеживается триединство ценностей Истины, Добра и Красоты. Цельное знание, согласно Соловьёву, выступает синтезом науки, философии и религиозной веры. Этот синтез можно интерпретировать следующим образом: целью науки является поиск истины, философия сочетает в себе стремление к истине с красотой её поиска, а стержнем религиозной веры является «сплав» истины и добра.

Глубокая философичность русской литературы также связана с осмыслением идеи красоты. Русская литература особым образом затрагивает проблему соотношения Красоты и Добра, при этом отмечая, что истинная Красота призвана «служить добру», в то время как не-

связанные с добром проявления чисто внешней «красоты» должны быть скорее названы красотью. Не случайно для западного сознания знаменитые русские писатели позапрошлого столетия ассоциируются с глубокими философскими изысканиями. Так, например, Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой воспринимаются европейским сознанием, прежде всего, как философы. Среди философских изысканий русских писателей и поэтов особо можно выделить, естественно, темы любви, свободы, а также рассматриваемой нами красоты.

Наиболее полно сформированная, на наш взгляд, концепция красоты принадлежит Фёдору Михайловичу Достоевскому. Его понимание идеала красоты, *соотношения Красоты, Добра и Истины* прослеживается (не всегда явно) в его знаменитых романах «Братья Карамазовы», «Идиот», «Преступление и наказание». Эстетика Достоевского приближается к пониманию прекрасного как свойства объективной действительности. Если «красота есть нормальность, здоровье», как говорил сам Достоевский, то она имеет свои критерии и принципы в самой действительности. Искусство воплощает красоту, познанную художником в мире. Здесь мы встречаемся с явным продолжением идеи Соловьёва об искусстве как продолжении «художественного дела» природы.

В романе «Братья Карамазовы» читаем: «Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В содоме ли красота?» [1, с. 136]. Сама эта литературная формулировка подчёркивает необходимость качественного различения красоты, как чисто внешней привлекательности, и *истинной красоты*, наполненной созидательным смыслом и одухотворяющим содержанием. Идеал красоты для Достоевского – это существенный элемент общественного сознания. Следует отметить, что здоровым обществом писатель считает общество нравственное. А нравственность в обществе предполагает чёткое разграничение добра и зла и сознательное тяготение к добру, благу и красоте. Дихотомия добра и зла применима и в отношении рассматриваемого нами феномена Красоты. Ф.М. Достоевский в романе «Братья Карамазовы» вкладывает в уста главного персонажа Мити Карамазова слова, характеризующие красоту: «...Здесь дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей» [1, с. 136]. Именно соблюдение грани между добром и злом и определяет силу красоты – созидательную или разрушающую. Впрочем, приведённое свидетельство отнюдь не выступает в пользу двойственности красоты: истинная красота всегда обращена к свету.

Рассуждения персонажа романа наполнены глубоким смыслом: «Красота – это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, а определить нельзя, потому что бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут. <...> Страшно много тайн! Слишком много загадок угнетают на земле человека. Разгадывай как знаешь и вылезай сух из воды. Красота! Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем и умом человек и с умом высоким, начинает с идеала мадонны, а кончает идеалом содомским. Ещё страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала мадонны, и горит от него сердце его и воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные годы. <...> Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В содоме ли красота? Верь, что в содоме то она и сидит для огромного большинства людей... Ужасно то, что красота не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с богом борется, а поле битвы – сердца людей...» [1, с. 135–136]. Более того, в этом «манифесте» от лица главного героя Достоевский предлагает человечеству дихотомический выбор: между добром и злом – третьего пути не дано. Предпочитающий идеал содомский, «купившись» на внешнюю красоту (а вернее сказать, *красивость*) обращается к дьяволу, причём делает это совершенно сознательно. Стремящийся же к свету, к добру, к истине, к божественному преображению, изначально ориентируется на красоту одухотворённую – наполненную божественным, созидательным смыслом. Идеал в эстетике Достоевского представляет собой некую высшую точку, в которой сходятся воедино эстетическая и этическая составляющие. Этот синтез являет собой истинно прекрасное. Именно поэтому понимание идеальной красоты неразрывно связано в русской философской традиции с красотой поступков (этика) и чистотой помыслов (стремление к истине).

В романе Достоевского «Идиот» фигурирует (ставшая крылатой фразой) реплика одного из персонажей «Красота спасёт мир», с уточнением «если бы она добра была». Отсюда мы и берём ключевую установку о необходимости служения добру. Именно в этом качестве эстетически прекрасное приобретает также позитивное этическое качество, являя собой, тем самым, *единство Красоты и Добра*. Истина предполагает нерушимость этого сочетания, невозможность раздельного существования красоты и морального блага. (Добрые поступки облагораживают личность, делая человека прекрасным в нравственном отношении, в то же время чисто

внешняя красота меркнет при очевидной почтенности её обладателя).

Роман «Преступление и наказание» не предполагает рассмотрения феномена красоты, однако среди персонажей особо выделяется образ героини, способной на самопожертвование и самоотречение во имя блага другого человека, именно в этом женском образе (Сонечка Мармеладова) преподносится авторское видение нравственной красоты личности. Справедливо отметить, что Ф.М. Достоевский уделяет особое внимание подробному рассмотрению нравственного преображения своих героев, некоторым образом связывая этот процесс с их внешним видом. Прошедшие через страдания, угрызения совести и проч., ставшие «чище» и «светлее» в духовном плане, герои преображаются и внешне, избавляясь от прежде негативных характеристик. Напротив, нравственная деградация героя романа, его «погружение во тьму» негативно сказывается и на внешних характеристиках (персонаж: Свидригайлов). Кроме того, в женских образах чаще всего проявляется идеал жертвенности и состояние страдания, *со-страдания* (Грушенька, Соня Мармеладова, Авдотья Романовна).

Таким образом, литературные герои, созданные воображением русских писателей, являются «живым свидетельством» тесной взаимосвязи внешнего облика с нравственным состоянием личности. В романах русских писателей (на примере Ф.М. Достоевского) мы наблюдаем глубокие философские размышления, приводящие нас к осознанию всей парадоксальности и проблематичности определения красоты.

О синтезе этического и эстетического в понимании идеальной красоты рассуждает большинство русских религиозных философов, высказывавших свои взгляды и творивших свои системы на рубеже XIX–XX веков. Отец Павел Флоренский выделяет особым образом *акт познания Бога и любви к Богу*. По мнению П.А. Флоренского, красота мира доступна лишь тому, кто освобождается посредством любви от замкнутости эгоизма [см.: 2, с. 213]. Тем самым, в самой идее красоты содержится глубоко созидательная мысль. Суть привлекательности этой идеи, очевидно, заключается в том, что в ней прослеживается необходимость гармоничного сочетания внешней и внутренней красоты. Отсутствие духовного содержания, некой высшей созидательной идеи порождает не красоту, а лишь красоту. Атрибутом *красоты истинной* выступает (имманентная) связь с божественным началом. Как отмечает П.А. Флоренский, «духовная жизнь как из “Я” исходящая, в “Я” своё сосредоточие имеющее — есть *Исти-*

на. Воспринимаемая как непосредственное действие другого — она есть *Добро*. Предметно же созерцаемая третьим, как вонне лучающаяся, — *Красота*. Явленная истина есть Любовь. Самая любовь моя есть действие Бога во мне и меня в Боге, ибо безусловная истинность Бога именно в любви раскрывает себя... Любовь Божия переходит на нас, но знание и созерцательная радость — в Нём же пребывает» [3, с.85]. В этом фрагменте наиболее чётко отражена взаимосвязь трёх фундаментальных элементов бытия — Истины, Добра и Красоты и так называемой четвёртой ипостаси — Любви. Именно четвёртая ипостась являет собой осуществлённое единство рассматриваемой нами триады.

У Флоренского, в отличие от Соловьёва, который рассматривает цельное знание как единство науки, философии и религиозной веры, *триада Истины, Добра и Красоты* предполагает взаимосвязь этих качеств, которые «перетекают друг в друга», с одной стороны, а с другой стороны, все эти три качества являются различными воплощениями духовной жизни личности. Следовательно, ощущение их единства свойственно верующим людям. Однако из этого вовсе не следует отрицание возможности восприятия красоты нерелигиозным сознанием. Процесс восприятия красоты в принципе может быть доступен каждому, но восприятие сущности красоты, её *постижение* в единстве с благом и истиной доступно далеко не каждому.

Кроме того, в своей работе «Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи» (раздел XXVII. Эстетизм и религия) Флоренский поясняет значимость красоты как атрибута божественного — в своей глубинной связи (человека верующего) с Богом. Флоренский сравнивал своё понимание красоты с философской системой К. Н. Леонтьева. Сопоставляя два эстетизма, Флоренский пишет следующее: «Там красота — лишь оболочка, наиболее внешний из различных «продольных» слоёв бытия; а тут — она не один из многих продольных слоёв, а сила, пронизывающая все слои поперёк. Там красота далее всего от религии, а тут она более всего выражается в религии. Там жизнепонимание атеистическое или почти атеистическое; тут же — Бог и есть высшая Красота, чрез причастие к Которой всё делается прекрасным» [3, с. 449–450]. Поясним, что в приведённой цитате слово «там» относится автором к системе Леонтьева, а «тут», соответственно, к собственным взглядам Флоренского.

Согласно классификации, предложенной К. Н. Леонтьевым, «эстетичность» есть самый общий признак, для П. А. Флоренского признак этот — самый глубокий. Помимо признака «эстетичности», существенным различием двух представ-

ленных для сравнения систем (Леонтьева и Флоренского) является восприятие персоны Бога, его место и роль в эстетических системах мыслителей. П. Флоренский пишет: «У Леонтьева Бог есть геометрический центр системы, почти абстракция, но – нисколько не Живое Единящее Начало; тут же Он – *Ens realissimum*. Поэтому, в безблагодатном непонимании Леонтьева личность механически складывается из разного рода слоёв бытия, а [согласно миропониманию Флоренского] личность, при помощи благодати Божией, жизненно и органически усваивает себе все слои бытия. Всё прекрасно в личности, когда она обращена к Богу, и всё безобразно, когда она отвлечена от Бога. И тогда как у Леонтьева красота почти отождествляется с геенной, с небытием, со смертью, то в этой книге [«Столп и утверждение истины»] *красота есть Красота и понимается как Жизнь, как Творчество, как реальность*» [3, с. 450]. Таким образом, Флоренский предлагает сугубо религиозное видение красоты, суть которого состоит в максимальном приближении человека, его духовных стремлений и помыслов к Богу как воплощению абсолютной Истины, абсолютного блага и абсолютной Красоты. Метафизическая Триада (Истина-Добро-Красота), явленная в этом поистине царственном единстве, следовательно, открывается лишь человеку искренне верующему.

К вышеупомянутым различиям этих двух концепций следует добавить существенные разногласия двух концепций относительно традиционного триединства. В концепции ультраэстетизма К.Н. Леонтьева (после 1862 года) фигурирует мысль о возможности принесения в жертву Красоте других ценностей, в том числе Истины и Добра. Это утверждение применимо только в рамках концепции Леонтьева, для остальных рассматриваемых в нашей статье мыслителей разделение Истины, Добра и Красоты недопустимо.

Общий замысел русской религиозной философии сводится к целостному пониманию действительности, особому месту человека в мире. Специфичность положения человека относительно всей природы состоит в его способности *со-творчества* с божественным началом. Это свойство выражается в «теургической» силе искусства, согласно Соловьёву, кроме того, эта идея воплощается и в конкретных произведениях художественного творчества, в частности, в русской литературе. Связь человеческого и божественного начал более целостно раскрывается в творчестве как наиболее созидательном виде человеческой деятельности.

В дальнейшем процессе развития философского осмысления категории красоты и среди попыток определить идеал красоты выявляется

концепция Н.О. Лосского, который в своей работе «Мир как осуществление красоты» в качестве идеала красоты рассматривает подлинно творческую личность. Интерпретируя его взгляды, можно утверждать, что в акте творчества реализуется связь человека с божественным началом, следовательно, проявляется и теургическая сила красоты. Кроме того, творческая деятельность служит основным способом принятия и претворения в жизнь абсолютных ценностей, в том числе и таких, как красота, добро и истина.

В работе «Мир как осуществление красоты», уже в самом введении к этой работе, Лосский отмечает, что «решение всякого философского вопроса даётся с точки зрения мирового целого». Отсюда просматривается его стремление к той всеохватности, которая свойственна его философской системе. «Поэтому эстетика, как отдел философии, есть наука о мире, поскольку в нём осуществляется красота (или безобразие). Точно так же этика есть наука о мире, поскольку в нём осуществляется нравственное добро (или зло). Гносеология, то есть теория знания, есть наука, открывающая те свойства мира и познающих субъектов, благодаря которым возможны истины о мире. Всего яснее направленность философских исследований на мировое целое обнаруживается в центральной философской науке, в метафизике, которая представляет собою учение о мировом бытии как целом» [4, с. 17]. В точном соответствии с названием книга Лосского посвящена одной эстетической теме – красоте. Как пишет сам автор, «всё содержание моей книги представляет собою обоснование учения об абсолютности красоты, то есть учения о том, что красота предмета есть ценность, общезначимая для всех личностей» [4, с. 340]. Общезначимость красоты проявляется в её созидательном характере, который распространяется на каждую отдельную личность, причастную к созданию и восприятию прекрасного, а также, в конечном итоге, сказывается на формировании гармонично устроенного общества, ориентированного на высокие цели благородства, внешнего и внутреннего совершенства.

Для Лосского эстетика предстаёт в более узком и конкретизированном смысле, чем мы привыкли её воспринимать. Он делает центром своей эстетической системы категорию красоты. Лосский относит её к «абсолютным ценностям», сфера которых не поддаётся рационально-рассудочному анализу, поэтому он специально подчёркивает, что главные его эстетические суждения основываются на «непосредственном усмотрении», на личном «опыте высшего порядка», на мистической интуиции в соче-

тании с интеллектуальной (умозрительной) и чувственной интуициями, лежащими в основе теории познания, разработанной им в специальном исследовании [5].

В своей эстетике Н.О. Лосский не стремится быть новатором; он активно опирается на эстетические идеи своих предшественников, в особенности, Владимира Соловьёва, представителей немецкой классической философии Ф.В.Й. Шеллинга и Г.В.Ф. Гегеля. Несколько упрощённо он рассуждает о красоте в природе и красоте человека, хотя вслед за Чернышевским и Соловьёвым считает, что красота в природе выше красоты искусства [6]. Вне зависимости от проявлений красоты, сама она выступает в качестве абсолютной ценности, то есть ценности, носящей характер общезначимости и не нуждающейся для своего существования ни в чём другом, кроме Бога. Согласно Лосскому, абсолютная ценность Бога является условием существования всех остальных мировых ценностей. «Всякая попытка отрицания абсолютных ценностей ведёт к самопротиворечию, так как абсолютная самоценность Бога и царства Божия есть основное необходимое условие и всех относительных ценностей и даже самой бытийственности вообще» [7, с. 68]. Кроме того, Лосский рассуждает об идеале красоты, предлагая специфическое видение возникшей проблемы в интерпретации идеала: идеал красоты полностью осуществлён и реализован только в абсолютной сфере бытия – в Боге и в Царстве Божием; в земном же мире воплощением идеала красоты выступает творческая личность (архитекторы, художники, писатели, композиторы...). Именно предрасположенность к творчеству, способность воплотить идеи в виде прекрасного живописного полотна или литературного шедевра, умение выразить свою мысль посредством творческой деятельности является свидетельством того, что человек причастен к божественному замыслу воплощения красоты в мире. В интерпретации идеала красоты, предложенной Н.О. Лосским, любой творческий человек близок к его воплощению, будучи *созидающей* личностью.

Представленные концепции красоты русских религиозных философов позволяют глубже понять не только специфику эстетического вос-

приятия действительности, но и онтологизм русской философии и, возможно, найти для себя ответ на вопрос: действительно ли красота способна спасти мир? Сложность и глубина идейного содержания русской философии свидетельствуют о её высоком духовном потенциале и нашем довольно узком представлении о прекрасном. Если же иметь в виду его онтологический статус, то прекрасное является выражением *человеческого* присутствия в мире; принцип красоты – один из основных принципов бытия личности. Трудность изучения проблемы красоты связана с существованием внутреннего, духовно рожденного человека, прошедшего путь глубокого очищения, испытывавшего на себе спасительную силу соборного сознания.

В.С. Соловьёв, выступая против позитивистов в «Кризисе западной философии», высказал свое убеждение в том, что «философия в смысле отвлечённого, *исключительно* теоретического познания окончила свое развитие» [8, с. 33]. Для русской философии «серебряного века» это становится общим убеждением, на котором строится новая онтология – человеческая духовность. Философия красоты является выражением этой новой онтологии. Жизнь и красота – понятия, друг друга дополняющие. Познание красоты мира, красоты человека есть движение к познанию духовной целостности.

Список литературы

1. Лосский, Н.О. История русской философии. М.: «Сварог и К», 2000. 496 с.
2. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Ч. 1. Кн. 3. М.: «Художественная литература», 1973. 816 с.
3. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи. М.: Изд-во АСТ, 2003. 640 с.
4. Лосский Н.О. Мир как осуществление красоты. Основы эстетики. М.: Прогресс-Традиция, Традиция, 1998. 416 с.
5. Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 1999. 408 с.
6. Бычков В.В. Русская теургическая эстетика. М.: Ладомир, 2007. 741 с.
7. Лосский Н.О. Ценность и Бытие: Бог и Царство Божие как основа ценностей М.: Изд-во АСТ, 2000. 864 с.
8. Соловьёв В.С. Кризис западной философии. М.: Игломосс Эдишинз, 2012. 384 с.

**PHILOSOPHY OF BEAUTY IN THE SPIRITUAL TRADITION
OF THE RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY**

T.V. Kulikova, A.M. Palamarchuk

This article focuses on the philosophical understanding of beauty in the spiritual tradition of the Russian religious philosophy at the turn of the 20th century. Philosophy of beauty as a particular world view involves a number of problems. In the Russian spiritual tradition, the most significant problems include correlation between the reality and the ideal, the harmony between the person, the surrounding world, and the human being himself.

Keywords: philosophy of beauty, Trinity of Truth, Kindness and Beauty; integral knowledge; teurgic power of beauty.

References

1. Losskij N.O. Istorija russoj filosofii. M.: Svarog i K, 2000. 496 s.
2. Dostoevskij F.M. Brat'ja Karamazovy. Ch. 1. Kn. 3. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1973. 816 s.
3. Florenskij P.A. Stolp i utverzhdenie istiny. Opyt pravoslavnoj teodiceji. M.: Izd-vo AST, 2003. 640 s.
4. Losskij N.O. Mir kak osushhestvlenie krasoty. Osnovy jestetiki. M.: Progress-Tradicija, Tradicija, 1998. 416 s.
5. Losskij N.O. Chuvstvennaja, intelektual'naja i misticheskaia intuicija. M.: TERRA – Knizhnyj klub; Respublika, 1999. 408 s.
6. Bychkov V.V. Russkaja teurgicheskaja jestetika. M.: Ladomir, 2007. 741 s.
7. Losskij N.O. Cennost' i Bytie: Bog i Carstvo Bozhie kak osnova cennostej M.: Izd-vo AST, 2000. 864 s.
8. Solov'jov V.S. Krizis zapadnoj filosofii. M.: Iglmoss Jedishinz, 2012. 384 s.